



**В серии «Другие Миры»
вышли книги:**

Ника Ветрова

Университет вредной магии. Пособие по выживанию

Галина Гончарова

Против лома нет вампира
Не сотвори себе вампира

Ольга Куно

Горький ветер свободы
Черно-белая палитра

Вероника Мелан

Ассасин
Дэлл

Ирина Котова

Королевская кровь. Сорванный венец
Королевская кровь. Скрытое пламя
Королевская кровь. Проклятый трон

Ольга Гусейнова

Когда нет выбора
Сумеречный мир

Ольга Хусаинова

Академия Зла. Испытание ведьмой

Нина Бархат, Марина Багирова

Присвоенная

Лесса Каури

Золушки из трактира на площади
Золушка вне закона

Жанна Лебедева

Сиреневый черный. Гнев единорога

Алиса Дорн

Институт моих кошмаров. Здесь водятся драконы

Таис Сотер

Факультет прикладной магии. Простые вещи

Кира Стрельникова

Своенравный подарок

Дарья Кузнецова

Модус вивенди

Ольга Романовская

Песочные часы

Юлия Григорьева

Погоня за сказкой

Ирина Зволинская

Охота на дракона

Алина Лис

Маг и его кошка

Лесса Каури

ВОЛУШКА ВНЕ ЗАКОНА



Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К30

Разработка серийного оформления
Евгения Антофия
Иллюстрация на обложке
Степана Гилёва и Вероники Акулич

Каури, Л.

К30 Золушка вне закона : [роман] / Лесса Каури. —
Москва : Издательство АСТ, 2017. — 320 с. — (Другие
Миры).

ISBN 978-5-17-099720-6

Казалось бы, у недавно закончившей магическую академию Виты есть все — талант, молодость, красота... и статус невесты Первого советника асурха. Но что делать, если Вита не желает быть третьей-женой-на-ложе у жестокого старика? И брачное ожерелье жжет кожу не хуже рабского ошейника?

Остается только одно — бежать. Встретить на своем пути странную и опасную компанию, пережить с ними множество приключений... и возможно, обрести не только свободу, но и любовь?

ISBN 978-5-17-099720-6

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Л. Каури, 2016
© Оформление. ООО «Издательство АСТ»,
2016

До границы с Ласурией оставалось каких-то девять дней пути, когда Вителья Таркан ан Денец ощутила безотчетную тревогу. Стоя у засиженного мухами зеркала в комнатухе на втором этаже единственной таверны в этом богами забытом городишке, она рассматривала свое тонкое лицо, брови вразлет и зеленые немного раскосые, «рысьи», как говаривала ее мать, Софина Доли ан Денец, глаза. Но взгляд стремился к шее, охваченной Ожерельем признания, больше похожим на ошейник, что надевают волкодавам асурха — огромным песчаного цвета псам, свободно разгуливающим по его дворцу. За пять лет учебы в Королевском магическом университете имени драгобужского архимагистра — Драгодруга, Синих гор мастера — Вителья не нашла способа снять ожерелье без вреда для своих здоровья и жизни.

В памяти снова возникли залитые солнцем улицы Крей-Тона, столицы Крей-Лималля, по которым красавицы-жены проносили в закрытых паланкинах своих обожаемых мужей. Тонкие полотнища одежд очерчивали изгибы соблазнительных женских тел, открывая глазам зевак зачарованные Ожерелья признания — простые или украшенные чеканкой и драгоценными камнями, вязью слов любимых поэтов господина, изображениями его лучших жеребцов или дойных

коров... Бесконечные вереницы покорно потупивших взор женщин снились Вите в первые годы университетской жизни каждую ночь, заставляя просыпаться с криком ужаса. Потому что в их чередѣ всегда находилось пустое место — для самой Вительи Таркан, нареченной Третьей женой-на-ложе Первого советника асурха Самсана Данира ан Третока.

Советник был немолод, но полон сил и той ярости к жизни, что заставляет слуг падать ниц, врагов — бегать, а друзей — трепетать даже в приятных разговорах о любовных утехах и охоте. Этот вечно потеющий толстяк однажды появился в доме родителей Виты по приглашению отца — владельца двух сталеплавильных цехов и нескольких горнодобывающих шахт на границе Крей-Лималля и Драгобужья. С тех пор неприятный гость зачастил, а в один из визитов преподнес госпоже Софине Дали ожерелье для дочери. Отказать Первому советнику — все равно что отказать самому асурху! Родители были вынуждены согласиться на брак, хотя Вита, которой в ту пору исполнилось пятнадцать, отнеслась к жениху с откровенной враждебностью. Представить себя в его постели ей казалось омерзительнейшим из омерзительного, а носить рабский ошейник — унижением сродни публичной порке. К слову сказать, мать Виты такого украшения не носила: брак ее, в девичестве Софины Рю Кароль, ласурской графини, и Таркана Арина ан Денеца заключался по любви и полнился ею до сих пор.

Посоветовавшись, родители сообщили уважаемому жениху, что желают ввести в его дом не просто красивую, но образованную жену, и спешно отправили дочь учиться в соседнюю страну — в один из лучших университетов на материке. Опекуном Виты стал друг ее отца, гном Тукотрин, Серой скалы мастер.

Ан Треток дал свое согласие, ведь жена-целительница лишь подчеркнет его высокий статус. Но, помня о своенравии девчонки, похожей на дикую лань, поже-

лал перед отъездом лично застегнуть на ее шее ожерелье, снять которое теперь мог только он, и активировать заклятье. После этого оставалось ждать, когда закончится обучение девушки. А ждать советник умел. Ждать и вожделеть, представляя, как через пять лет на его ложе возляжет не угловатый полный прелести подросток с острыми грудями и коленками, а расцветшая молодая женщина, чей сок еще не испит, а бутылка не откупорена. И тогда он, Самсан Данир, прикинув к источнику, будет пить из него долго и жадно... до тех пор, пока ему не надоест и не придет время брать четвертую жену.

Страшась собственной участи, Вителья университетские годы не торопила. От отца ей достался ум, от матери — красота, усидчивость и немалые способности к магии. Целительство ей удавалось: она с легкостью определяла местонахождение Источников Силы и, заимствуя их энергию, делилась ею с немощными и больными города Грапатука, в котором располагался университет. Уже с первого курса Вита подрабатывала помощником целителя в городских больницах и приютах. Однако душа жаждала большего — стать тем, кому никто не посмеет угрожать, кого никто не решится обидеть, — боевым магом. И однажды девушка собралась с духом: записалась на аудиенцию к ректору и получила разрешение посещать параллельный курс.

В то время как однокашники всюду крутили романы и наслаждались раздольем студенческих лет, Вителья зубрила теорию, занималась дополнительно со старшекурсниками и младшими магистрами факультета боевой магии, допоздна засиживалась в библиотеках или тренировалась на учебной арене, до изможения бросая заклинания, становящиеся курс от курса все опаснее.

Полученные знания, а главное, умения действительно делали ее увереннее в себе. Хрупкая маленькая Вита не боялась поздними вечерами в одиночку ходить

по улицам города: поджечь подошвы сапог хулиганам, заколдовать им на головы ведро горячей картошки или натравить пчелиный рой было для нее гораздо легче, нежели смириться с тем, что скоро придется стать Третьей женой — подумать только! — Первого советника. Близился выпуск, и юная волшебница становилась все молчаливее и мрачнее. Но незадолго до экзаменов она получила письмо от матери, которое все изменило.

«Моя девочка, — писала Софина Доли ан Денец, — мне невыносимо думать, что ты станешь женой против своей воли! Отправляя тебя в университет, мы с отцом надеялись, что Первый советник потеряет к тебе интерес и за пять лет обязательно найдет себе кого-нибудь на замену, ибо ложе важного вельможи не терпит пустоты. Однако ты оставила след в его сердце! Недавно Самсан Данир навестил нас и напомнил об обязательстве выдать тебя замуж, едва ты вернешься с учебы. Твои успехи в целительстве только порадовали его.

Витенька, отец не знает об этом письме. Он гражданин своей страны, сын своего народа, и нельзя винить его за это. Он поступит так, как велит ему долг, — отдаст тебя ан Третоку! Твои братья не станут препятствовать ему.

А я... Может быть, я делаю чудовищную ошибку, предлагая тебе выбор: вернуться домой или бежать в Ласурию. Надеюсь, что твое чутье подскажет правильный путь. Да поможет тебе Пресветлая, веру в которую я до сих пор тайно ношу в сердце, несмотря на пройденный обряд Пантеона!

Прилагаю к этому письму еще одно — моему старшему брату, графу Жаку Рю Каролю, с просьбой предоставить тебе убежище и позволить жить так, как хочет твое сердце. А мое обливается кровью оттого, что я могу больше никогда не увидеть тебя... Только пусть это никак не повлияет на твое решение, Витенька! Когда-то я последовала за Тарканом и не по-

жалела об этом. Но я могла выбирать, а тебя этого лишили законы страны, в которой ты родилась.

Я перевела некоторую сумму денег на твой университетский счет и другую, гораздо более крупную, на счет, открытый через подставное лицо в Королевском банке Вишенрога. Жак, с которым мы не теряли связи все эти годы, поможет тебе обустроиться на первых порах. Если ты выберешь стезю мага, было бы хорошо поступить адептом в один из ласурских орденов, дабы оттачивать навыки и заниматься научной работой...

Сожги это письмо, как только прочитаешь его! Не буду объяснять тебе, зачем это нужно. И помни: ты — моя единственная дочь, моя плоть и кровь, я люблю тебя и буду любить, даже если мы больше не свидимся. Твое счастье важнее моих слез по тебе, Витенька! С надеждой буду ждать от тебя весточку, если решишь бежать.

Целую тебя нежно, мое солнышко с рысьими глазами! Люблю тебя».

Письмо было настолько созвучно чаяниям Виты, будто она написала его сама. Со свойственным юности легкомыслием она отринула страх больше не встретиться с матерью и словно в омут нырнула в представившуюся авантюру. Будучи одной из лучших учениц курса, Вителья без труда добилась разрешения сдать выпускные экзамены на пару недель раньше, ссылаясь на приготовления к будущей свадьбе. А затем отбыла из университета в неизвестном направлении, заверив подруг, что уехала домой.

Она на самом деле проехала несколько переходов в сторону Крей-Лималля то с одним торговым караваном, то с другим, не привлекая к себе внимания: странствующие волшебницы не были редкостью для деловитого Драгобужья. А потом Вита в прямом смысле слова исчезла: пользуясь заклинанием невидимости, сменила караван и вернулась к перекрестку, где проходил

тракт в Ласурию. Дороги избегала, шла лесом, а ночевала на деревьях: боялась не столько волков, сколько того, что уснет и не успеет разогнать их каким-нибудь заклинанием Школы огня. Ловкости девушке, выросшей с четырьмя братьями, было не занимать. Еду она покупала в попадающихся на пути деревеньках или охотилась сама: владеть луком Виту учил отец, которого сам асурх брал с собой пострелять озерных птиц.

Неудобство доставляла лишь... грязь. Простейшие бытовые заклинания избавляли от пыли на одежде и сапогах, но как образованной девушке позабыть о желании понежиться в теплой ванне, вымыть голову и умаслить волосы ароматными благовониями, надеть чистое? На тридцатый день пути волшебница сдалась. Остановилась в первом попавшемся городке с общественной мыльней, сняла в трактире номер подешевле, зато не скупилась на баню, выкупив на несколько часов отдельную купальню. Нынче утром она разглядывала себя в зеркале — розовую со сна, с блестящими вымытыми волосами, волной распущенными по плечам, и... беспокоилась, хотя сама не понимала почему. Очевидным было лишь то, что пора прикупить припасов в дорогу и поскорее убраться отсюда!

Тяжело вздохнув, волшебница достала из заплечной сумки свежую рубаху с длинными рукавами и высоким воротом на шнуровке — чтобы скрыть ожерелье. Привычным жестом скастовала заклинание чистоты на брюки, короткую куртку и сапоги и оделась.

Выстиранные с вечера предметы туалета, развешанные на спинке стула, были еще влажными. Поморщившись, Вита подсушила их с помощью облегченной версии заклинания, известного как «Буря в пустыне», аккуратно сложила и убрала в сумку.

Чувство опасности неожиданно стало таким явным, что по спине побежали мурашки. Была бы Вителья кошкой — зашипела бы и изогнулась, приготовившись к атаке.

Подхватив мешок, она бросилась к двери, распахнула ее и... впечаталась лицом в чью-то внушительную грудь. Девушку откинуло обратно в комнату, но на ногах она удержалась. Машинально вытянув правую руку перед собой, Вита вызвала на ладонь танцующий огненный шар.

Через порог по очереди быстро зашли пятеро мужчин, и в комнате сразу стало тесно. Высокий беловолосый оборотень метнулся к окну, осторожно выглянул.

— Какая красавица! — улыбнулся второй из вошедших — молодой парень с яркими карими глазами. Говорил он на фирли — наречии, распространенном и в Ласурии, и в Драгобужье. Вита знала этот язык: благодаря матери он был для нее родным наравне с крейским. — Если бы я проведал, что ты тут живешь, зашел бы скоротать вечерок!

— Помолчи, Фарки, — проворчал третий незванный гость, оказавшийся гномом, и, скинув капюшон, вежливо поклонился Вите. Из-за его плеча выглянул и сразу же спрятался еще один гном, совсем молодой. — Просим нас простить, госпожа волшебница, за причиненное беспокойство, но ваше окно очень удачно ведет наружу!

Окно действительно выходило на более низкий скат крыши над хозяйским хлевом, располагавшимся на заднем дворе. Прислушиваясь к звукам снизу — топоту подкованных сапог и грубым окрикам, — девушка лихорадочно соображала. Волшебница, путешествующая в одиночестве, могла бы послать в Прóклятую трясику любого любопытного, кроме официально облеченного властью лица, например офицера стражи, который имел полное право потребовать документы. Поэтому Вителье никак нельзя было попасться стражникам, нередко устраивающим облавы в придорожных трактирах.

Встретившись взглядом с пятым, до сих пор молчавшим незнакомцем, она сразу поняла, что вот его-

то и следует считать первым! Высокий, широкоплечий и коротко стриженный мужчина был смугл, как креец, но на жителя Крей-Лималля походил лишь загаром. Он следил за ней, как за неведомой зверушкой, от которой не знаешь, чего ожидать — укуса или ласки. На мгновение Вита утонула в его темных, почти черных глазах. Он еще не произнес ни слова, однако девушка почувствовала: стоит позвать на помощь или еще каким-то образом обнаружить незваных гостей перед стражей — и он прикончит ее так быстро, что воспользоваться огненным шаром она просто не успеет!

И тогда волшебница пошла ва-банк. Запустила шар в сторону окна, заставив беловолосого оборотня отпрянуть в сторону, бросилась к оконной створке и, рывком распахнув ее, выскочила на скат крыши.

Мужчины последовали за Витой, которая, легко пробежав по скату, спрыгнула в стог сена и скатилась с него, как с горки. Все бы ничего, но второй гном, вылезая из окна, зацепился носком сапога за подоконник и с грохотом рухнул на крышу хлева. По лестнице тут же застучали каблуки, а через мгновение стражники ввалились в комнату и тоже полезли в окно, где застряли безнадежно, запертые друг другом.

— Топор, Руфусова борода, мечи топор! — закричал один из них.

— Каменная твоя голова! — сердито отвечал второй. — Что я тебе — осетр, метать?

Но топорик на коротком топорище — такими вооружались гномы стражи — все же бросил.

Оглянувшись, Вита увидела, как, медленно и красиво вращаясь, топор летит в спину замешкавшегося из-за падения гнома. Лишь потом она поняла, что секунды в тот момент растянулись патокой, а она представила то, что могло случиться: как синеватое лезвие мягко, словно раскаленный нож в масло, входит между лопаток отчаянно улепетывающего коротышки. Резко выдохнув, волшебница сформировала магический

щит, прикрывший чужую спину. Топор ударился об него, зазвенел и отскочил на край крыши, после чего полетел вниз. Спустя мгновение одна из гуляющих во дворе куриц приказала долго жить.

— Дайте пройти, каменноголовые! — орал между тем густой, судя по всему, офицерский баритон. — Упустите хорьков — не видать вам квартальной премии!

Стражники с энтузиазмом задержались, еще больше запутываясь в своих конечностях и топорных древках.

Что было дальше, Вита узнать не успела, потому что кто-то грубо забросил ее на плечо и огромными прыжками понесся прочь. «Хорошо, что я еще не завтракала!» — философски подумала она.

Спустя час безумного бега, во время которого девушка попеременно пыталась справиться с чувством тошноты, стуком челюстей, а также головной болью, «скакун» вдруг остановился и скинул ее на землю. Вителья тихо охнула, сев прямо на мягкую, усеянную сосновыми иглами лесную подстилку. Сбросивший ее оборотень опустил перед ней на корточки и, ухмыляясь, сукин кот, от уха до уха, поинтересовался:

— Эй, волшебница, жива, чай?

Вита очумело потрясла головой и, когда деревья вокруг нее перестали танцевать ригодон, обнаружила рядом с собой всех пятерых нечаянных спутников.

— Здесь наши пути расходятся, — тихо заговорил черноволосый, которого она уже записала в немые. — Ты спасла Виньо, мы помогли тебе — больше никто никому ничего не должен!

Виньо низко поклонился. Он действительно был молод: еще безбородый, зато огненно-рыжий, с косой толщиной в руку, перекинутой через плечо.

— Ну, это ты так считаешь, Ягорай, — проворчал первый гном. — А я перед вами, госпожа волшебница, в долгу! И о том не забуду! Жаль, я сейчас не в том по-

ложении, чтобы сполна расплатиться. Но ежели Руфусу и Торусу будет угодно свести нас — вы увидите, сколь далеко простирается благодарность Йожевижа, Синих гор мастера!

И он тоже церемонно поклонился.

Вита, хоть и сидела до сих пор, умудрилась, не теряя достоинства, поклониться в ответ.

— Погнали, — поднялся с корточек оборотень. — Судя по тому, что я слышал, патруль искал именно нас. Прикинув, в каком направлении мы будем двигаться, они перероят все местные забегаловки!

Черноволосый вожак бросил на девушку короткий взгляд, кивнул ей как давней, но неинтересной знакомой, развернулся и побежал прочь, словно и не было только что гонки по буеракам драгобужской лесополосы. Остальные припустили следом, и вскоре только разбросанные под деревьями сосновые иглы напоминали о том, что недавно здесь кто-то был.

Вителья наконец позволила себе выдохнуть. Наверное, она хорошо держалась, раз никто не догадался, как она испугалась, когда ее, хрупкую девушку, в лесу со всех сторон обступили здоровенные хорошо вооруженные мужики. Здесь кричи не кричи, колдуй не колдуй — не услышит никто, кроме дятлов, соек и поползней, пересвистывающихся в кронах деревьев! Поднявшись, волшебница отряхнула одежду и огляделась. Она понятия не имела, в нужной ли стороне оказалась или отдалилась от маршрута? Следовало вернуться к Ласурскому тракту, памятуя о словах оборотня: теперь стражники будут шерстить все природоружные заведения. Ладно, хоть удалось помыться впервые за тридцать дней!

Интересно, чем эти пятеро так не угодили местной власти? Они не походили на беглецов из страшного Гнилого лабиринта — так называли общетикрейскую каторгу, куда ссылали преступников со всего материка за тюремную подать — то есть плату драгобужско-

му королю. У каждого, кто хоть раз спускался в эти шахты по каменной лестнице в тысячу пятьсот пятьдесят шесть ступеней, появлялась аура обреченности, а у Витиных случайных попутчиков ее не было!

Об ауре Вителя знала от друга отца, господина Тукотрина, которому в молодости довелось поработать в Гнилом лабиринте мастером-изыскателем. Он многому там научился и заработал денег для открытия своего дела, но на его ауре так и остались следы уныния и тоски, хотя числился он вольнонаемным, а не — слава Руфусу и Торусу! — осужденным.

Поспешив уйти подальше, волшебница выбрала дерево с густой кроной и гладким стволом, не поросшим мхом и лишайниками. Такие лесные исполины, победившие жучков-короедов, болезни и время, росли на пересечении линий Силы, пронизывающих миры, словно нити искусного шитья на простом полотне. В местах схождения сразу нескольких линий находились Источники — мощные потоки магической энергии, используя которые маги могли совершать свои чудеса.

Вита всем телом прижалась к стволу, обняла его, как хотела бы обнять любимого, которого боги, кажется, вовсе не собирались ей давать! Из темного древесного нутра поднималось нечто обжигающее, застывшее глаза — предтеча подключения к линии Силы. С ее помощью девушка собиралась определить, где находится: карта линий запечатлелась в ее сознании с шести лет — с того момента, как проявился магический дар.

Как Вителя и предполагала, она немного отклонилась от своего маршрута. Взяв правее, уже к вечеру можно вернуться к Ласурскому тракту. Но торопиться не стоило: лучше уж сделать крюк и обойти тот участок дороги, где еще могут оставаться разыскивающие «хорьков» стражники.

Благодарно погладив дерево ладонями, волшебница быстро пошла прочь. В ней плескалась энергия —